

В главном дворе дул весенний ветер, наполняя всё вокруг ощущением жизни и свежести.

К сожалению, войдя в дом, можно было почувствовать лишь запах тления, смешанный с глубокой горечью.

Гу Чжису опустился на колени за ширмой, но так и не увидел госпожу Цзюнь и давно не виденную Гу Чжицзин. Его лицо было совершенно спокойным, голова опущена, и выражение невозможно было разглядеть.

Гу Вэньмянь и Гу Вэньминь стояли на коленях впереди, позади них, чуть поодаль, находились госпожа Синь и госпожа Мэн, а госпожа Цянь, склонив голову, стояла на коленях ещё дальше. За ними стояли законные дети и дочери всех семей, все молчали, затаив дыхание, слушая голос Гу Вэньмяня, который внезапно раздался в тёмной комнате, мягко зовя Старую госпожу, полузакрывшую глаза, очевидно погружённую в свои мысли.

— Мама... Мама?

— Сегодня я позвала вас сюда, чтобы дать вам несколько наставлений.

Старая госпожа, услышав его голос, наконец открыла глаза и оглядела всех своих детей, невесток и внуков, стоявших перед ней на коленях. Чётки выскользнули из её рук, и она, вздохнув, медленно произнесла:

— Первое — раздел имущества.

Гу Вэньмянь, услышав это, почти никак не отреагировал, а вот Гу Вэньминь изменился в лице и с недоверием воскликнул:

— Мама! Пока старшие живы, нельзя делить имущество, как вы можете...

— Я знаю своё состояние.

Старая госпожа подняла руку, чтобы потереть виски, на её лице появилась глубокая усталость. После потери сына и дочери, даже такая сильная женщина, как она, не смогла выдержать такого удара. К тому же она уже не молода. Врачи, увидев, что она внезапно пришла в себя, уже осторожно предупредили её, что ей нужно беречь себя и не тратить силы, иначе... Палец Старой госпожи слегка дрогнул, её взгляд скользнул по двум сыновьям и невесткам перед ней, а затем остановился на одинокой госпоже Цянь, стоявшей позади них. На её губах появилась тонкая улыбка.

— Вы и сами знаете, так что не обманывайте себя.

Сказав это, она резко подняла руку, остановив возражения Гу Вэньмяня и Гу Вэньминя, и продолжила:

— Вэньин ушёл, и в третьей семье остались только вдова и сирота. Пока Хайи не достигнет совершеннолетия, их можно не отделять от резиденции князя И. Вторая семья уже давно живёт отдельно. Земли под резиденцией князя И разделите на три части, а движимое имущество поделите пополам. Одну часть оставьте на мои похороны, а другую разделите между собой, как хотите.

Гу Вэньмянь, услышав, как подробно она всё объясняет, хотя и ожидал этого, всё же слегка изменился в лице, когда она заговорила о разделе имущества:

— Мама!

— Дайте мне закончить, потом будете говорить.

Старая госпожа закрыла глаза, половина её лица погрузилась в тень, а другая половина была освещена светом свечи. Она тихо, слово за словом, произнесла:

— Магазины под резиденцией князя И тоже разделите. Моё приданое, оставшееся от старого господина, уже почти всё разошлось. Часть я отдала Хайли в приданое, немного — Чжилин как наложнице, а остальное хотела отдать Чжихуай, Чжицзин и Чжилинь. К сожалению, Хуай ушёл вслед за ними. Я приказала Матушке Суй положить одну коробку в его могилу, а остальное разделите между ними.

Сказав это, она жестом подозвала Матушку Суй и велела ей раздать заранее подготовленные украшения нескольким дочерям от наложниц. Поскольку Гу Чжицзин сегодня не пришла, её коробка досталась Гу Чжису.

Гу Чжису опустил глаза и посмотрел на лежавшую у него на руках коробку из сандалового дерева, источающую тонкий аромат. Его взгляд в тусклом свете стал ещё более непостижимым.

Снова раздался голос Старой госпожи, на этот раз очень тихий и медленный. Её лицо за ширмой было неразличимо, но казалось, что она изо всех сил напрягает последние силы:

— Если с этого дня я буду полностью посвящать себя буддизму, возможно, проживу ещё несколько дней. Но смерть Вэньина и Вэньюй всё же не даёт мне покоя...

Гу Вэньмянь, услышав её слова, даже с его холодным сердцем, не смог сдержать печали:

— Мама, вы...

Старая госпожа закрыла глаза, и, казалось, что-то вспомнила. На её лице появился странный румянец, контрастирующий с бледностью, и выражение её лица стало настолько странным, что на него было трудно смотреть. Она больше не смотрела на своих сыновей, а только снова сжала чётки и вдруг громко, слово за словом, спросила:

— Вэньмянь, ты, как старший сын и князь И, помнишь ли то, что обещал старому господину?

Услышав этот вопрос, лицо Гу Вэньмяня на мгновение замерло, а затем он резко опустил голову, полностью скрыв выражение своего лица, и твёрдо ответил:

— Мама, сын помнит.

— Помни всегда, не забывай.

На лице Старой госпожи появилась тонкая улыбка, наполненная добротой, как у Будды, держащего цветок.

Гу Вэньминь не осмеливался поднять голову, чтобы посмотреть на Старую госпожу, пока не услышал её голос:

— Вэньминь.

— Мама.

Старая госпожа посмотрела на его чёрные волосы и снова заговорила тише:

— Твой характер мне известен... ты немного нерешителен и всегда находился под опекой отца и брата. За все эти годы, хотя ничего серьёзного не случилось, ты и не добился больших успехов. К тому же, хотя кланы Синь и Гу внешне живут в мире, на самом деле они как огонь и вода. Если после раздела имущества что-то случится, ни в коем случае не действуй самостоятельно, обязательно советуйся с братом.

— Слушаюсь вашего приказа, мама.

Старая госпожа долго смотрела на двух братьев, а затем, наконец, вздохнула и с глубоким смыслом сказала:

— Сейчас в нашем клане Гу из главной линии остались только вы двое. Если мамы больше не будет рядом, вы должны держаться вместе.

Гу Вэньмянь и Гу Вэньминь поняли, что в её словах скрыто прощание, и на их лицах появилась печаль:

— Мама...

— Ладно, идите все.

Старая госпожа слегка махнула рукой, как будто невольно посмотрела за ширму, где стояла тёмная фигура, а затем медленно добавила:

— Вэньмянь, останься.

Все, услышав это, склонились и ответили:

— Слушаемся, мама (бабушка).

Когда все вышли из комнаты, даже Матушка Суй тихо удалилась вместе со служанками.

— Мама, вам ещё что-то нужно от меня?

— Я уже устала.

Старая госпожа смотрела на своего старшего сына — Гу Вэньмянь был её гордостью, нынешним князем И, острым мечом клана Гу, и ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы он пострадал.

Она долго смотрела на сына и, наконец, вздохнула.

А теперь, когда всё зашло так далеко, она больше не могла и не успевала его защищать.

— С этого дня, если у тебя нет важных дел, не приходи ко мне.

Гу Вэньмянь с детства был рядом со Старой госпожой. Теперь, глядя на её седые волосы и морщинистое, усталое лицо, он не смог сдержать слёз:

— Мама...

Старая госпожа, увидев его печаль, в глазах её мелькнул свет, и она вдруг подняла руку,

положив её на его плечо:

— Последнее, о чём я думала, решила всё же тебе сказать.

— Пожалуйста, скажите, мама.

— Гу Чжису — твой сын, ты должен ценить его.

Старая госпожа посмотрела туда, где только что стоял на коленях Гу Чжису, её взгляд был глубоким, как будто она могла видеть всё насквозь.

— Но если он не будет тебе полезен, ты должен убить его... Не дай ему возможности уйти из семьи Гу, иначе он обязательно принесёт клану катастрофу.

Гу Вэньмянь был удивлён, что она оставила его, чтобы сказать всего лишь о ничем не примечательном сыне от наложницы, ещё не достигшем совершеннолетия, и с сомнением тихо сказал:

— Мама, это всего лишь сын от наложницы, вы преувеличиваете.

Старая госпожа закрыла глаза.

Свеча вдруг заколебалась, почти погаснув.

— Я бы хотела, чтобы это было лишь моей фантазией.

Выйдя из главного двора, Ляньчжу, держа коробку с украшениями, направилась во двор Мяоюэ, чтобы передать её госпоже Цзюнь.

В этот момент на каменной дорожке остался только Гу Чжису.

Тёмная одежда с вышитыми бамбуковыми листьями медленно скользила по холодным камням, погружаясь в бледный лунный свет.

Он шёл по коридору, его взгляд скользил по сторонам, шаги были настолько тихими, что казались беззвучными. Вдруг перед ним, в конце темноты, появился цветок груши, белый и пышный.

В темноте стоял человек, стройный и изящный, держа в руке грушевый цветок.

С лёгкой улыбкой он спокойно смотрел на Гу Чжису.

— Яожун.

Он тихо стоял в темноте, позволяя ветру касаться своих волос и губ, развевая чёрные пряди и тёмную одежду.

Человек протянул к нему руку, его улыбка была мягкой, освещённой лунным светом за коридором.